

божия и Слова как первоэлемента знания. В литературе барокко такие подмены — обыкновенная вещь. По Августину, которого Симеон знал и любил, «мир — книга»; книга состоит из слов, слова образуют книгу. Следовательно, продолжает комбинировать Симеон, человек, обладающий Логосом, может быть мысленно представлен в образе книги. Продолжая с воодушевлением разрабатывать эту тему, Симеон включает в «Вертоград» несколько философских стихотворений:

Мир есть книга

Мир сей преукрашенный — книга есть велика,  
 еже словом написа всяческих владыка.  
 Пять листов пренпространных в ней ся обретают,  
 яже чудна писмена в себе заключают.  
 Первый же лист есть небо, на нем же светила,  
 яко писмена, божия крепость положила.  
 Второй лист огонь стихийный под небом высоко,  
 в нем яко писание, силу да зриг око.  
 Третий лист преширокий аер мощно звати,  
 на нем дождь, снег, облаки и птицы читати.  
 Четвертый лист — сонм водный в ней ся обретае,  
 в том животных множество убодь ся читает.  
 Последний лист есть земля с дресвы, с травами,  
 с крущы и с животными, яко с писменами.  
 В сей книзе есть возможно комуждо читати,  
 коль велик, иже ону изволи создати,  
 И коль сиасн ссть, могий ону утвердити,  
 ни на чем же основу ея положити;  
 И колико премудр есть, иже управляет  
 вся сущая, и тайны всяческа язнает.  
 Ту книгу читающе, рдем вси: слава тебе,  
 о человеколюбче, царствуй на небе.

(л. 293)

В этой ортодоксальной стихотворной иллюстрации к догмату об абсолютном всемогуществе Слова божия («сказал — и стало») совершается новая подмена: вместо слов являются письмена. Это очень важно, поскольку дает Симеону основание свести бесконечное разнообразие мира к конечному и обозримому числу элементов — алфавиту, приравнять «письмену» букву явлениям чувственного и духовного мира. Алфавитный феномен, который приобрел у Платона значение модели универсума, сыграл большую роль в европейской философии — у того же Люллия, Николая Кузанского, Джордано Бруно и Лейбница.<sup>26</sup> В проповедях Симеона находим следующее рассуждение: «Мафематицы смирение письменем омикрон или цифрою изобразуют, того ради, яко им же образом цифра в числе сама собою ничтоже есть, ничтоже знаменуе, приложенная же письменам арифметическим, в десять крат число писмене умножает. Точию смирение само о себе яко ничтоже в очесех человеческих мнится быти, но внегда приложится ему ко оным писменем алфа и омега, еже есть, егда Христа ради приемлемо бывае, умножает в себе множество боголюбезных добродетелей, ими же душа христианская неизреченно красится и тем во основы место подлагается».<sup>27</sup> Отсюда следует, что даже комбинации букв и цифр давали Симеону повод для этической интерпретации.

<sup>26</sup> Ср.: S. Mathauscrová. Baroko v ruské literatuře XVII století. — Československé přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů. Praha, 1968, стр. 258; J. Patočka. Aristoteles, jeho předchůdci a dědicové. Praha, 1964, стр. 47—54.

<sup>27</sup> Обед душевный, л. 155.